

ИСТОРИЯ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 82.161.1

ПОЭТИКА ЗИМЫ В ПОЭЗИИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА И Н.А. ЛЬВОВА

Р.А. Бакиров

Аннотация

В статье в сопоставительном аспекте рассматривается развитие темы зимы в оде Г.Р. Державина «На рождение в севере порфирородного отрока» и поэме Н.А. Львова «Русский 1791 год. Зима». На основе анализа образной и идейной структуры данных произведений делается вывод об их антагонистической природе. Обосновывается преимущественно масочный характер львовской поэмы в противовес стилистически цельным произведениям Державина. Литературная маска рассматривается как основной художественный принцип всего творчества Львова.

Ключевые слова: тема зимы, предромантизм, поэзия, Г.Р. Державин, Н.А. Львов.

Поэма Н.А. Львова «Русский 1791 год. Зима» была одним из немногих произведений, напечатанных при его жизни. Впервые она вышла отдельным изданием в 1791 г. в Санкт-Петербурге, затем была частично переиздана в первых трех частях мартыновской «Музы» за 1796 год, правда, здесь ее опубликовали уже без подписи и посвящения, еще и исключив несколько стихов. Исследователи вслед за В.А. Западным [1; 2, с. 406] закономерно видят связь этой поэмы с державинской одой «На рождение в севере порфирородного отрока» (Д., с. 87–89). Кроме того, прослеживается связь с державинским шуточным «Желанием Зимы» (1787), с «Желанием зимы» М.Н. Муравьева (1778), с наброском И.И. Хемницера «Зимюю стужу мы несносной называем...» (б.д., до 1784) и с элегией В.В. Капниста «Зима» (б.д., опубл. 1805) [3, с. 174]. Однако нам бы хотелось подробнее остановиться именно на сопоставлении «Русского 1791 года» и оды «На рождение...», так как взаимосвязь этих двух текстов объясняет многое в поэтике львовской поэмы, да и державинская ода является отправной точкой для его «Желания...». Здесь следует помнить об особой атмосфере львовского кружка, члены которого активно обсуждали и подправляли тексты друг друга, где часто возникали полемики на самые разные темы, в основном, конечно, об особенностях поэзии и путях ее развития [4]. Феномен маски и поэтика игры, которые являются одними из важнейших в прозе и поэзии Львова [5, с. 45],

думается, отразились и в сочинениях членов его кружка, в частности в творчестве Державина, что будет показано далее.

Как известно, свою оду Державин написал в 1777 г. по поводу рождения внука императрицы Екатерины II Александра. Примечательно, что в 1779 г. произведение было вторично отредактировано и опубликовано поэтом во второй редакции, так как, по заявлению самого Державина, первый вариант был написан им «в несоответственном дару автора вкусе, а в ломоносовском, к чему он чувствовал себя неспособным» (Д., с. 369). Иными словами, Державин вполне четко противопоставляет свою манеру письма ломоносовской. Уже в данном случае мы можем говорить о выстраивании определенной линии заочных отношений между Ломоносовым, Державиным и Львовым. Если «сам Ломоносов считал личностное начало не главным в своем творчестве» [4, с. 83], то «Державин и Львов поворачивают в сторону личности» [4, с. 84]; при этом творчество Державина во многом является завершением линии, начатой Ломоносовым. Львов же строит свою поэтику, скорее отталкиваясь от ломоносовской традиции, противопоставляя собственное творчество ломоносовскому (что доходит до прямых инвектив в «Добрыне» (см. по этому вопросу, в частности, [6]).

Будущий престолонаследник Александр появился на свет 12 декабря, то есть в день, когда «солнце начинает возврат свой от зимы на лето» (Д., с. 369). Державин обыгрывает этот факт и представляет в своей оде новорожденного как полубога, принесшего в мир весну и изгнавшего зиму, персонифицированную в образе бога Борей: *В это время, столь холодно, / Как Борей был разъярен, / Отроча порфирородно / В царстве Северном рожден. / Родился – и в ту минуту / Перестал реветь Борей; / Ондохнул – и зиму люту / Удалил Зефир с полей* (Д., с. 88). Примечателен сам тип трансформации, способ аллегоризации персонажей, когда оба главных действующих лица перевоплощаются в образы языческих богов. С одной стороны, с богом отождествляется Александр, то есть конкретный человек (что, в принципе, вполне соответствует магистральной линии таких сравнений монарших лиц в торжественных одах еще со времен Ломоносова), но с другой – в образе античного бога предстает и определенное время года, зима: *С белыми Борей власами / И с седою бородой, / Потрясая небесами, / Облака сжимал рукой* (Д., с. 87–88).

В 1787 году Державин, трагедизируя свою же оду, пишет весьма вольное по форме и содержанию стихотворение «Желание зимы» (не опубликованное при жизни поэта). В нем он развивает аллегорию зимы, которая предстает уже так: *В убранстве козырбацком, / Со ящичком-нахалом, / На иноходце хватском, / Под белым покрывалом – / Бореева кума, / Катит в санях Зима* (Д., с. 117). Ни у кого из членов Львовского кружка, за исключением самого Н.А. Львова, мы не находим такой персонализации зимы (в чем-то приближается к этому образу только муравьевская «владычица-зима»). По мнению Е.Г. Милюгиной [3, с. 177], данную особенность стихотворения Державина подмечает Львов (думается, хорошо знакомый в рукописях с «Желанием зимы»), используя этот же принцип изображения прихода зимы в своей поэме: *Едет барыня большая, / Свистом ветры погоняя, / К дорогим своим гостям; / Распустила косы белы / По блистающим плечам; / Красоты богини зрелы / Волновали кровь во всех* (Л., с. 167).

Мы видим важную типологическую общность в изображении прихода зимы двумя поэтами, которая проявляется в следующем. Наступление зимы описывается как буквальный приезд некоего антропологизированного божества; совпадает «транспорт», на котором приезжает «барыня»; в обоих произведениях схоже выписан национальный колорит, который представляет собой общую предромантическую тенденцию. При этом в державинской оде заметны, во-первых, явный диссонанс народно-русских и античных мифологических мотивов и образов, во-вторых, определенная сервильность. Видимо, этот контраст ощущал и сам Державин, в творчестве которого сразу намечалось стремление к упрощению и народной культуре в противовес классицистической эстетике (хотя, как мы помним, сам он считал свое произведение написанным «не в ломоносовском вкусе»). Возможно, это и стало поводом для написания им варианта своей оды в форме литературного перевертыша. При этом Державин не отказывался и от оды, продолжая печатать ее в своих сочинениях в разделе анакреонтики (в то же время не публикуя, сохраняя для узкого круга травестию на нее). Таким образом, в державинском творчестве появились два практически равноправных варианта развития темы прихода зимы.

Однако ни один из державинских вариантов не принимает Львов при написании своей «Зимы». И даже более: целый ряд периферийных различий между львовским и державинским произведениями позволяет сделать предположение об антагонистической природе поэмы Львова по отношению к опытам Державина. Даже на идейном уровне мы можем говорить о том, что семантика державинского «На рождение...» опирается на идею обновления и в прямом смысле зарождения нового качества, а у Львова же прослеживается в большей степени идея конца «золотого века», «когда русский народ был силен и здоров, когда он радовался приходу Зимы <...> Теперь же ориентация на западный образ жизни изнежила русских, и они уже не в состоянии перенести холод “русской зимы”» [7, с. 286].

Названные выше несоответствия в поэтическом мире державинских стихотворений, думается, вызвали наибольшее неприятие Львова, стремившегося в вопросе о национальной идентичности придерживаться цельности и последовательности. Так, зрелое литературное творчество «гения вкуса», как уже неоднократно отмечалось исследователями, носит ярко выраженный антиклассицистический характер. Поэтому даже с учетом того, что ода Державина вольная, а сам он не является традиционным классицистом, «На рождение...» никак не соответствовало творческим установкам Львова. Кроме того, Львов даже в своих архитектурных трактатах ратовал за умеренность и гармоничность при использовании элементов национальной специфики, поэтому его не могло не покоришить излишнее изобилие простонародных выражений в сочетании с именами древнегреческих богов в «Желании зимы». Излюбленным приемом поэта-архитектора становится «фольклорная цитация». Как верно заметила Е.Г. Милюгина, «именно фольклорная цитация – а не зарисовки русской жизни, возведенные к “высокой” мифологии, и не “кабацкий” диалектно-просторечный стиль – единственно может, по мысли Львова, отразить в литературе обрядовость народной жизни» [3, с. 178].

Однако следует отметить, что в год написания Державиным «Желания зимы» (1787) Львов пишет свою комическую оперу «Ямщики на подставе», по которой весьма обильно «разбросаны» как раз таки просторечные выражения. Но главное отличие оперы Львова от произведений Державина заключается в том, что в львовском «игрище невзначай» просторечия не контрастируют с номинативными или жанровыми формами. Полисинтетический характер державинского мировоззрения, как ни странно, во многом является антагонистом казалось бы релятивистскому сознанию Львова. Игра, занимающая центральное место в творчестве Львова, всегда ограничена определенными правилами (по Й. Хейзинга, у любой игры всегда есть правила и границы, иначе она уже не будет игрой [8]). Поняв форму игры, мы можем реконструировать глубинные черты поэтики автора. В отношении творчества Львова такой игровой формой нам представляется литературная маска.

Нам представляется, что львовская «Зима» практически полностью построена на использовании масочных форм. Так, например, оказывается, что заглавная героиня поэмы является носителем маски горделивой владычицы: эта маска сбрасывается при наступлении весны, когда Зима предстает уже опозоренным и гонимым всеми персонажем, в духе травестийной традиции. «Ряжеными» оказываются и второстепенные герои. Ряд масок надевает и сам автор, что становится заметным уже при взгляде на состав его речи, для которой характерно, в частности, подстроение под речевую манеру сказителей: *На окошко ль взор возводит? – / Вдоль стекла растут цветы. / Ко реке ль она подходит? – / Стлались зёркальны мосты* (Л., с. 168–169); *Распустила косы белы / По блистающим плечам* (Л., с. 167); *Ну, теперь, мой друг читатель! / Сам признайся ты со мной: / Не ошибся ль тот писатель, / Кто сказал, что век златой / На бессменных веших крыльях / Сверх молочных рек летал?* (Л., с. 171) и т. д.

Отметим, что, хотя масочность практически полностью отсутствует в названных произведениях Державина, она является характерным элементом для всего его творчества в целом. В частности, в творчестве Державина мы видим функционирование таких авторских масок, как маски мурзы, пророка, гения, барда, Анакреонта, философа и др. (из последних исследований на эту тему см. [9, 10]).

Львов же актуализирует в своем литературном творчестве не менее широкий диапазон масочных форм (но при этом гораздо менее исследованных): от поэтологической модели писателя-дилетанта [11, с. 68] до культурологической модели петиметра. Притом наблюдается пересечение некоторых авторских масок у Львова и Державина: например, маски Анакреонта в анакреонтической поэзии, маски былинного сказителя, барда в поэмах и т. д. Однако именно у Львова маска становится структурообразующим элементом поэтики и мировоззрения, переходя и на жизнетворческий уровень. В данном случае речь идет о мифологизации ряда исторических и биографических фактов (например, приписывание Львовым своему предку авторства одной из народных песен или до сих пор остающиеся туманными обстоятельства его женитьбы). Масочный характер проявляется также и в полудокументальных сочинениях Львова, когда автор вплетает в художественное повествование биографические факты (см., например «Ботаническое путешествие на Дудорову гору...»), и наоборот, когда

преимущественно документальный текст становится базой для художественного (к примеру, «Ночь в Чухонской избе...»). Свое отражение маска находит и в таком «пограничном» между собственно текстом и реальностью элементе, как посвящение (о масочных составляющих посвящения в «Зиме» см. [12, с. 122–123]).

Таким образом, обобщая вышесказанное, мы можем говорить, что Г.Р. Державин и Н.А. Львов, разрабатывая тему зимы, использовали как схожие, так и диаметрально противоположные элементы на самых разных текстовых уровнях. Однако мы лишь наметили линию изучения этого феномена, требующую дальнейшего развития, например, в стиховедческом, лексическом и некоторых иных аспектах.

Summary

R.A. Bakirov. The Poetics of Winter in the Poetry Works by G.R. Derzhavin and N.A. Lvov.

The paper compares the development of the winter theme in G.R. Derzhavin's ode "Birth of a North Crowned Lad" and N.A. Lvov's poem "Russian 1791. Winter". Based on the analysis of imaginative and ideological structures of both works, the conclusion is made about their antagonistic nature. The mask character of N.A. Lvov's poem is proved and opposed to the stylistically integral works by G.R. Derzhavin. The literary mask is considered as the main artistic principle used by N.A. Lvov.

Keywords: winter theme, preromanticism, poetry, G.R. Derzhavin, N.A. Lvov.

Источники

- Д. – Державин Г.Р. Стихотворения. – Л.: Сов. писатель, 1957. – 468 с.
Л. – Львов Н.А. Избранные сочинения. – СПб.: Пушкин. Дом, 1994. – 422 с.

Литература

1. Западов В.А. Поэма Н.А. Львова «Зима» // XXIV Герценовские чтения: Филол. науки. – Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1971. – С. 55–57.
2. Лапто-Данилевский К.Ю. О литературном наследии Н.А. Львова. Комментарии // Львов Н.А. Избр. соч. – СПб.: Пушкин. Дом, 1994. – С. 7–22; 394–417.
3. Милюгина Е.Г. Н.А. Львов. Художественный эксперимент в русской культуре последней трети XVIII века: Дис. ... д-ра филол. наук. – Вел. Новгород, 2009. – 405 с.
4. Строганов М.В. Державин и Львовско-Державинский кружок // Г.Р. Державин и диалектика культур: Материалы Междунар. науч. конф. – Казань: Казан. ун-т, 2012. – С. 79–84.
5. Паикуров А.Н. Феномен «игрового» отрывка в письмах М.Н. Муравьева и Н.А. Львова (1770–1790-е годы) // Михаил Муравьев и его время: Сб. ст. и материалов II Всерос. науч.-практ. конф. – Казань: ТГГПУ, 2010. – С. 43–52.
6. Абрамзон Т.Е. «Ломоносовский текст» русской культуры: Избранные страницы. – М.: ОГИ, 2011. – 240 с.
7. Душечкина Е.В. Антропоморфизация и персонификация времен года в окказиональной поэзии XVIII века // Окказиональная литература в контексте праздничной культуры России XVIII века. – СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2010. – С. 280–287.
8. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. – М.: Прогресс, 1992. – 459 с.

9. *Ларкович Д.В.* Авторские маски в поэтической системе Г.Р. Державина // Вестн. Сургут. гос. пед. ун-та. – 2011. – № 2 (13). – С. 79–86.
10. *Салова С.А.* Екатерина II, Вольтер, Державин: о контексте оды «Фелица» // Екатерина Великая: писатель, историк, филолог: Сб. науч. работ, подгот. по материалам IV науч. чтений, посвящ. творчеству Екатерины II. – М., 2011. – С. 117–122.
11. *Западов В.А.* Проблема литературного сервизизма и дилетантизма и поэтическая позиция Г.Р. Державина // Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. – Л.: Наука, 1989. – С. 56–75.
12. *Лаппо-Данилевский К.Ю.* Н.А. Львов – посвяtitель, меняющий маски // Аониды: Сб. ст. в честь Н.Д. Кочетковой. – М.; СПб.: Альянс-Архео, 2013. – С. 115–125.

Поступила в редакцию
17.01.15

Бакиров Ринат Альбертович – аспирант кафедры русской литературы и методики преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.
E-mail: *r1nt@ya.ru*